

"Продолжение содома" по пьесе Горького

Кудыбуря, 2005, 20-26 ЯНВ. - С. 5

Премьера в волгоградском Новом экспериментальном театре

Ночлежка в спектакле "На дне" — последней премьеры в волгоградском Новом экспериментальном театре — скорее все-таки современный бомжатник... Впрочем, не только... вот в полупуте промелькнула вереница девушек-«новобранцев»... Стало быть, тут еще и притон. Чохоточная Анна здесь на современной инвалидной коляске, а полицейский Медвед в милицмейской форме советских времен... Режиссер Отар Джангиршвиладзе решительно раздвигает временные границы горьковской пьесы... В этой ночлежке ощущается не только воздух "дна" столетней давности, когда проповеди странника Луки все-таки смягчали сердца, а хитрованцы-романтики за водкой рассуждали о Человеке-правде. Теперь не то. Все стало жестче, циничнее и безнадziejней. Проповеди Луки (у В.Бондаренко он больше похож на учителя-интеллекта, чем на бездомного странника) падают в пустоту. Озлoбление идет только случая, чтобы ссориться с цапги. И в конце концов срывается... Под улюлюканье и крики пьяная орава выкатывает из ночлежки коляску с телом только что умершей Анны. Куда? Да куда-нибудь. Хоть на свалку.

"Беспредел" — быстро вошедшее в наш оборот слово.

Смерть Актера не ставит точку в этой истории. В "эпизоде" ненависть структурируется в подобие факального шествия. Люмпены, уличные проститутки, бомжи, бывшие люди, отброшенные на обочину, которым нечего терять, "разворачиваясь в марше" и, похоже, готовые на все, из глубины направляются к авансцене...

Если вспомнить забытую ныне терминологию, можно было бы сказать, что это "спектакль-предупреждение"... И "что-то слышится родное" в этих отзвуках старых, еще недопетых песен, когда наш театр так хотел докличаться, достучаться и разбудить... И в общем понятно, почему спектакль назвали "Продолжение содома" по пьесе Горького "На дне".

Отправляясь в Волгоград, я, разумеется, меньше всего ожидал услышать в Новом экспериментальном театре (НЭТ) этот встревоженный глас гражданского публициста, куда более приличный протестующей братии андеграунда, нежели одному из самых благополучных и преуспевающих театров России.

На открытии шестнадцатого по счету театрального сезона я застал театр во всем блеске и величии. Гремел оркестр на площади перед входом. Сверхкал иллюминаций его колоннада, свет отражался в лакированных иномарках, мягко подкатывающих к подъезду. И волгоградский бомжонд не спешил восходить на портик своего (это чувствовалось) театра.

О, этот портик! Эта до боли знакомая колоннада! Дань — Древней Греции и ушедшей советской эпохе... Лет шестнадцать назад их вид пора-

зил меня печатью уныния и скорби, а пустынная площадь перед театром лишь подчеркивала его одиночество... Тогда случилось ужасное — Театр им. М. Горького стал городу неинтересен. Рухнула его репутация, и разладилось "дело". Раздоры и склоки разлагали театр изнутри, слухи об этом разползались по городу и отравляли воздух. Комиссии устремлялись из столицы, навстречу им летели письма и доносы. Театр задыхался, хрипел. И театр, в конце концов, закрыли. Факт у нас небывалый.

Отар Джангиршвиладзе (за спиной режиссера к тому времени были спектакли в Москве, Петрозаводске и в Нижнем Новгороде) вошел в театр, которого, в сущности, уже не было. Здание было свободно для экспериментов. И эксперименты назначили особым постановлением правительства. Широкие полномочия — руководство и контракт для всех остальных, чего в советском театре до того не бывало и по логике быть не могло. Однако беседуем мы с ним не о славном прошлом, а о неясном будущем.

— Помню, как лет пятнадцать назад про смелые эксперименты и у вас в Волгограде, и в Тольятти шумели на конференциях и "крутых столах" и, как у нас водится, реальные проблемы утонули в словах.

Сейчас все происходит тихо и незаметно. Именно эта неизвестность и подняла такую бурю в театральной Москве. Пресс-конференции в STD, собрания, петиции в правительство. Но то — Москва. А что думают об этом в регионах?

— Плохо думают... Диалога с властями не получается... Они об одном — мы о другом. И они нас не слышат; боюсь предположить, что не хотят слышать... Много лет уже говорят о проекте театрального закона, который, к сожалению, еще только обсуждается разными ведомствами и неизвестно когда вступит в силу (ведь ему предстоит пройти еще через Думу, а эта история долгая). Словом, пока это журавль в небе... Да, придет для нас самое страшное, абсурдная перспектива. Только представьте, что всю свою выручку, деньги за проданные билеты и все внебюджетные деньги нам предлагают сдавать в казначейство. И там по своему усмотрению будут решать, на что и куда тратить. Стало быть, мы уже не будем платить заработную плату самостоятельно, и это будет иметь самые печальные и необратимые последствия для театра. Я уж не говорю о том, что мы будем лишены возможности приобрести право на постановку современной пьесы... Автор пьесы волен в назначении цены за свое произведение, у него-то нет за спиной казначейства и т.д. Но ведь так загубит все... От гнетущего чувства несправедливости опускаются руки... И думаешь, кому он нужен, этот театр? Юроду? А кто-нибудь спрашивал наш город, что он обо всем этом думает?

Пятнадцать лет мы строили новый

Сцена из спектакля "На дне"

театр, начав с чистого листа. Мы добились того, что Волгоград сегодня — один из театральных городов России, где любят, ценят и ходят в театр... 42 спектакля, которые я поставил за это время, идут при полном зрительном зале... У театра есть друзья, есть спонсоры (вы видели, на вечера по случаю открытия сезона одному из актеров подарили машину). И вот теперь, когда за пятнадцать лет трудов мы построили прочное театральное здание, под него подкладывают мину, которая в одночасье разрушит все.

У меня, например, в театре отличный автопарк, обслуживающий производственные цеха и коллектив. А теперь мне могут сказать: "Не хватает денег? Продайте машины, зачем вам столько?" А вы представьте себе это огромное здание, где капитальный ремонт проводился полвека назад и где все прогнило. (И в таком положении находятся за малым исключением все театры России.) Я ведь должен не только планировать репертуар на два года вперед, как художественный руководитель, но и завершить ремонт кровли театра к 2008 году, как директор, и сейчас разрабатывать проекты, сметы, добывать деньги, чтобы заменить систему отопления, которая сгнила за шестьдесят лет. Надо доказывать в инстанциях, что наше хозяйство — с лебедками, световым, звуковым оборудованием устарело. И всем этим надо заниматься. Ну так не мешайте мне делать дело! Не мешайте мне делать так, чтобы у Волгограда был театр, достойный этого города!

А ведь нам уже и сейчас жить стало неважно. Подумайте! Чтобы потратить дотационные деньги на приобретение материалов для спектакля или, скажем, купить на 20 рублей шариковых авторучек, мы должны объявить тендер. Участниками тендера должны быть минимум три поставщика, в адрес которых мы направляем запрос котировки цен на закупку необходимой продукции. Со-

бираем котировочные заявки. После этой длительной волокиты проводим заседание котировочной комиссии, которая принимает решение о выборе поставщика. Далее заключаем письменный договор с выбранным поставщиком, потом регистрируем этот договор в Комитете по культуре администрации Волгоградской области. Потом все это предоставляем для проверки в Казначейство. При согласии последнего и наличии денежных средств возможно дальнейшее продвижение вперед к восхваленной цели.

Нам говорят, что выход — в создании института Попечительских советов.

Да, на Западе они существуют. В богатом Кувейте, скажем, богатые люди, у которых есть совесть, патристические чувства, любовь к искусству, собирают серьезные деньги. Я был там в драматическом театре, на который в год собираются миллион — полтора долларов. У нас пока нет людей, которые бы обладали столь большими средствами, ну а те, которые, может быть, и обладают, еще не склонны жертвовать на театр значительные средства, как это происходит в тех же Штатах. И вот в этом промежуток пустоты может оказаться наш театр нищим, погибавшим, исчезающим с поля культуры страны.

В лучшем случае, во что может превратиться Попечительский совет в наших условиях, известно из нашей недавней прошлой истории. Вновь появляются люди, определяющие, кого кормить, и определяющие правила игры, и, соответственно, появляется клун. Подумайте, кому все это надо? И для чего?

У всех ощущение, что мы попали в западню... Не припомню, чтобы за последние десять — пятнадцать лет у нас возникало чувство такой безысходности. Видно все мы пережили куда более трудные времена.

Николай ЖЕГИН
Волгоград — Москва